

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-208–219

ГРЕЧЕСКИЕ ИГРЫ В МАЛОЙ АЗИИ ВО II–III вв. н.э.

А.Д. Пантелеев¹, М.В. Поникаровская²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

¹ E-mail: a.panteleev@spbu.ru ² E-mail: poni-marina@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0003-3333-7980 ² ORCID: 0000-0002-1322-077X

Аннотация. В статье на основании данных литературной традиции, эпиграфики и археологии рассматриваются греческие атлетические и артистические состязания в эпоху Римской империи (I–III вв.). Игры в эллинистический и римский периоды демонстрируют как преемственность с предшествующим временем, так и новшества. Важнейшую роль сохранили Олимпийские, Истмийские, Немейские и Дельфийские игры, а кроме того, реформировались старинные местные агоны, ранее предназначенные только для жителей определенного города или области, и учреждались новые. Они сформировали единую систему состязаний, обладавших разным уровнем престижа: высшую категорию образовывали панэллинические «священные игры с венками», менее значимыми считались «игры с призами». Начиная с эпохи эллинизма большое значение в проведении этих праздников имели профессиональные объединения техников Диониса (актеров, музыкантов, поэтов и всех, кто был связан с миром театра) и атлетов Геракла (спортсменов). Греческие праздники были центральным элементом в жизни городов и в межполисных отношениях. При помощи игр поддерживалась и сохранялась эллинская идентичность, они демонстрировали власть и богатство местных аристократов, часто выступавших организаторами этих состязаний. Влияние агонов чувствуется во всех сферах жизни полиса: в политике, архитектуре, памятных надписях и статуях, в общем ритме жизни. Эти игры были связаны с императорским культом, таким образом доказывая лояльность местного населения Риму. В статье рассматриваются как общегреческие Олимпийские, так и местные игры, прежде всего, Демосфении, учрежденные по желанию Гая Юлия Демосфена, притана и секретаря городского совета ликийской Энноанды в 124 г. н.э. (SEG XXVIII, 1462).

Ключевые слова: Римская империя, эллинизм, зрелища, игры, агоны, Малая Азия, культ императора, атлеты, актеры

Данные об авторах: Алексей Дмитриевич Пантелеев – кандидат исторических наук, доцент СПбГУ; Марина Владимировна Поникаровская – кандидат исторических наук, ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20–09–00455 «Античные основы современной зрелищной культуры: визуализация и перформанс в религии и политике».

1. ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ИГРАХ В РИМСКУЮ ЭПОХУ

В эпоху Империи атлетические и мусические состязания сохраняли важное значение для эллинской идентичности жителей восточных провинций. Мир греческих агонов в эллинистическое и римское время демонстрирует как преемственность с прошлым, так и многочисленные новшества. Сохранялось значение Олимпийских, Истмийских, Немейских и Дельфийских игр, называвшихся «священными играми с венками» (ἱεροὶ καὶ στεφανῖται ἀγῶνες); в римское время они составили ядро престижных состязаний «с почетным въездом (победителя в город)» (εἰσελαστικοί). Эти игры были открыты только для эллинов, но их эксклюзивность постепенно размывалась. Известные надписи в честь олимпийцев демонстрируют изменение границ греческого мира: в эпоху эллинизма большинство победителей были родом из Пелопоннеса, но с конца I в. до н.э. их доля сокращается в пользу атлетов из Малой Азии, Египта и Северной Африки; выходцев из Рима и Великой Греции совсем немного (не считая краткого пика в эпоху ранней империи, во многом обеспеченного 6-ю победами Нерона)¹. Это свидетельствует, с одной стороны, о популярности атлетики в Египте и Малой Азии и финансовых возможностях этих регионов, позволявших готовить первоклассных спортсменов, а с другой, о том, что в западной части империи большей любовью пользовались римские игры.

Круг игр не ограничивался четырьмя общегреческими праздниками: реформировались старинные местные агоны, ранее предназначавшиеся только для жителей определенного города или области, и учреждались новые состязания, открытые для артистов, атлетов и зрителей со всех концов греческого мира. Некоторые из этих праздников объявлялись в подражание панэллинским «священными играми с венками», что считалось почетнее, остальные – так называемыми «играми с призами» (θῆμιδες, ἀγῶνες θεματικοί). Традиционно эти два вида агонов противопоставляются², но на деле между ними не было особой разницы: в их программу входили одни и те же виды состязаний, в которых соревновались одни и те же участники, и они проходили по одним и тем же правилам; со временем денежные призы начали вручать и на «священных» играх, а венок был символом победы на всех агонах. Эти игры сформировали единую систему праздников, которая сохранилась и в римское время; она не была строго формализована, но все понимали престиж тех или иных состязаний, и для удобства участников и зрителей они были разнесены по времени. Большое значение в проведении этих игр имели профессиональные объединения техников Диониса – актеров, музыкантов, поэтов и всех, кто был связан с миром театра, и атлетов Геракла – спортсменов³.

Александр Великий использовал игры в политических целях: он делал подарки афинянам во время Панафиней, подчеркивая лидерство македонян среди греков, а в завоеванных областях учреждал новые игры в честь своих побед или

¹ Moretti 1957; Ebert 1997; Scanlon 2002, 40–63; Гвоздева 2013, 59–60. В последующее время в Олимпийских играх будут участвовать выходцы из самых дальних уголков мира, например, в кулачном бою – будущий армянский царь Варздат (369 г. н.э.; о нем сообщает Мовсес Хоренаци (III, 40)).

² Pleket 1975; Spawforth 1989.

³ Le Guen 2001; Aneziri 2002; Пантелеев, Поникаровская 2021.

в память о погибших товарищах⁴. Диадочи и эпигоны продолжали и развивали эту практику. Вскоре игры начали играть важную роль в культурах эллинистических царей, а позже римских императоров; города, учреждая в честь правителей новые состязания или перепосвящая старые, стремились продемонстрировать лояльность и добиться высокого статуса для своих праздников, что придавало дополнительный блеск полису. На рубеже эр города на Востоке лишились части автономии и амбиции местной знати были перенаправлены римлянами в русло благотворительности – прежде всего, на строительство общественных зданий, а позже к этому добавилась организация игр и праздников. Император мог по собственной инициативе даровать право проведения священных игр, что, как правило, сопровождалось более или менее значительной субсидией, но от местной знати требовались усилия по организации и проведению этих состязаний⁵. Со времени Северов праздники оттесняют возведение новых зданий на второй план, что может быть объяснено несколькими причинами. Прежде всего, это отсутствие необходимости в новых сооружениях после строительного бума II в. Во-вторых, праздники и игры, очевидно, требовали меньших расходов, и траты на них можно было каждый раз корректировать. Наконец, в середине III в. с началом набегов Сасанидов города начали разбирать ранее построенные здания для укрепления крепостных стен, но даже в это время внешних угроз и общей нестабильности важность игр не ставилась под сомнение.

Эти праздники, продолжаясь всего несколько дней, влияли на всю жизнь полиса: на политику, архитектуру, памятные надписи и статуи, общий ритм жизни. Политический аспект состоял в приглашении или недопуске участников, зрителей и судей-наблюдателей (θεωροί) из других государств и городов. В честь игр и их участников выпускались особые серии монет⁶. Для проведения состязаний строились театры, одеоны, стадионы, гимнасии, другие сооружения; конечно, было необходимо позаботиться о размещении и питании гостей. Под эти праздники адаптировался религиозный календарь. Наконец, в честь победителей, организаторов и благотворителей устанавливались статуи и надписи, одним своим видом напоминавшие об агонах.

2. РИМ, ЭЛЛИНИЗМ И ГРЕЧЕСКИЕ ИГРЫ В МАЛОЙ АЗИИ ВО II–III ВВ.

Для того чтобы проследить изменения, произошедшие в мире греческих игр с приходом римлян, рассмотрим несколько праздников, учрежденных во II в. н.э. в восточной части империи. Они проводились за счет средств местных аристократов, для которых это было такой же формой благотворительности, как строительство общественных зданий или обеспечение горожан продовольствием в случае необходимости. О первом из них известно из надписи длиной в 117 строк из Эноанды, расположенной в северной Ликии (SEG XXVIII, 1462). Она была обнаружена в 1967 г., но вскоре ее разбили, и в настоящее время в музее г. Фетхие (юго-запад Турции) хранятся лишь ее фрагменты⁷. В ней сообщается о решении Гая Юлия

⁴ Гвоздева, Никишин 2021; Valavanis 2021, 118–119.

⁵ Mitchell 1990, 191.

⁶ Lorber, Hoover 2003, 59–68; Psoma 2009, 230–248; Mitchell 1990, 190–191.

⁷ Wörrle 1988; Mitchell 1990.

Демосфена⁸, притана и секретаря эноандского городского совета, совершавшего и другие акты благотворительности в пользу родного города, основать новые состязания, названные им в свою честь Демосфениями. Надпись можно разделить на пять частей: письмо Адриана от 24 августа 124 г., одобрявшее создание Демосфений, обещание самого Демосфена основать новое театральное празднество⁹ и его детальное описание, предложения совета о процедуре проведения игр, решение совета и народного собрания Эноанды, подпись наместника. Надпись содержит много деталей, важных для ликийской просопографии и понимания экономической и социальной жизни провинции, но для нас сейчас наиболее интересно описание этих игр: «В день Августа в месяце Артемисии [1 июля] состязания трубачей и герольдов, победители в котором получают приз в 50 денариев; затем, после заседаний совета и собрания 5 числа; состязания сочинителей энкомиев в прозе, победители в котором получают приз в 75 денариев, 6 число будет свободным из-за рынка, который тогда проводится; 7 числа состязания поэтов, победители в котором получают приз в 75 денариев; 8 и 9 числа состязания флейтистов с хором (ἄφων χοραύλων)¹⁰, где первый победитель получит приз в 125 денариев, а второй – 75; 10 и 11 числа состязания комедиографов (κωμωδῶν), где первый победитель получит приз в 200 денариев, а второй – 100; 12 числа жертвоприношение праотцу Аполлону, 13 и 14 числа состязания трагиков (τραγῳδῶν), где первый победитель получит приз в 250 денариев, а второй – 125; 15 числа второе жертвоприношение праотцу Аполлону; 16 и 17 числа состязания кифаредов, где первый победитель получит приз в 300 денариев, а второй – 150; 18 числа всеобщее состязание (διὰ πάντων)¹¹, где первый победитель получит приз в 150 денариев, второй – 100, а третий – 50, и 25 денариев тому, кто предоставит декорации (σκηνολόγῳ); 19, 20 и 21 числа выступления нанятых артистов, среди которых мимы (μῆμοι), исполнения (ἄκροάματα) и представления (θεάματα)¹², за которые призов не установлено, и другие нанятые исполнители по усмотрению города, которым следует заплатить 600 денариев; 22 числа гимнастические состязания для горожан, на которые следует потратить 150 денариев» (SEG XXVIII, 1462, 36–46).

Проект Демосфена содержит исключительно греческие элементы: мы можем найти в других полисах параллели для всех этих состязаний, для порядка их проведения и относительной ценности наград. Он не стремился к оригинальности, а наоборот, следовал традиции и уже существующим образцам. Помимо Демосфений, известно пять других игр в Эноанде, по преимуществу атлетических, и на них были представлены также традиционные эллинские виды спорта¹³. Горожане

⁸ Подробнее о нем см.: Wörrle 1988, 55–69.

⁹ Демосфен говорит о πανήγυρις θυμειλική (οἱ θυμειλικοί – участники хора и музыканты, в отличие от οἱ σκηνικοί), но педантичными секретарями Адриана игры были названы ἄφων μουσικός.

¹⁰ М. Вёрле переводит χοραύλης как Oboisten mit Chor (Wörrle 1988, 9), С. Митчел – the shawm with a chorus (Mitchell 1990, 184); для выступления с хором использовалась не обычная флейта, а что-то вроде современного гобоя или средневековых зурны или шалмея.

¹¹ Агон διὰ πάντων проводился после окончания всех состязаний. Каждый из победителей во всех возрастных категориях выступал с коротким номером, и судьи выбирали самого лучшего. Награда за этот дополнительный конкурс была сравнительно небольшой, но он считался престижным (Jory 1967, 84–90).

¹² Ἀκροάματα – досл. «то, что воспринимается ушами»: пение, музыка и т.п., θεάματα – «то, что воспринимается глазами»: танцы, пантомима и т.п.

¹³ Van Nijf 1999, 183–184.

предстают перед нами наследниками и хранителями греческой классической культуры в восточной части империи, однако ситуация была далеко не так очевидна. Дело в том, что Эноанда возникает в III в. до н.э. как колония Термесса. Ликийцы, на чьей земле она находилась, никогда не были полностью эллинизированы, они были включены в орбиту греческого мира Александром Великим, но составляли надписи на своем языке и сохраняли местный погребальный обряд вплоть до римского времени. Только в начале новой эры их города архитектурой и системой внутреннего управления стали походить на греческие полисы¹⁴. Те состязания, которые нам могут показаться древней традицией, на деле были новацией, искусственной конструкцией, призванной подчеркнуть эллинскую идентичность не всех жителей Эноанды, а скорее, их организаторов.

Сложно оценить популярность Демосфений, но любопытно, что эноандские надписи не упоминают о гражданах-победителях в этих играх, как, впрочем, и в мусических состязаниях на других местных праздниках. Ван Нейф замечает, что единственное, что можно указать в связи с этой сферой занятий, – несколько надписей в честь детей, которые подавали большие надежды в сочинительстве, однако умерли прежде, чем успели что-то выиграть (SEG XLIV, 1191; 1198). Но в самом ли деле они свидетельствуют о необыкновенных вундеркиндах? Или они демонстрируют любовь к ним родителей и завышенное самомнение местной элиты¹⁵? Эта ситуация не уникальна, в соседней Бальбуре с праздником Мелеагрий, устроенных по образцу Демосфений, дело обстояло так же¹⁶. И здесь, и там местные жители одерживали победы в атлетических соревнованиях, в основном, в борьбе. В середине III в. один из потомков Демосфена уступил неизбежному, введя в программу состязаний атлетические агоны, в которых могли принять участие только граждане города (SEG XLIV, 1183, 1184). С чем могло быть связано такое положение дел? Вряд ли мы имеем дело со случайностью или с тем, что местная элита не считала достойным увековечивать свои победы. Более вероятно объяснение, которое предлагает Ван Нейф: в мусических состязаниях безусловно доминировали техниты Диониса¹⁷, странствующие профессионалы, которые забирали призовые, не утруждая себя регистрацией этих побед в не имевших большого значения провинциальных играх¹⁸. Местные жители не проявляли особого интереса к этим занятиям, так как для них более важным атрибутом эллинства была не риторика или музыка, а атлетика, прежде всего, поединки борцов¹⁹. Здесь воедино переплелись местные и греческие традиции: борьба играла видную роль на праздниках анатолийских народов задолго до появления в этом регионе греков и римлян, и она стала одним из основных механизмов объединения ликийской

¹⁴ Bean 1978.

¹⁵ Van Nijf 1999, 185.

¹⁶ Milner 1991, 23–62.

¹⁷ О технитах Диониса в императорскую эпоху см.: Пантелеев, Поникаровская, 2021.

¹⁸ Van Nijf 1999, 185.

¹⁹ Очевидно, что Вторая софистика не была единственным способом продемонстрировать принадлежность к греческой культуре во II–III вв.; во многом ее всеобщая популярность является фантомом, созданным самими софистами и Флавием Филостратом. Для большей части жителей Востока, не получивших хорошего образования и не обладавших вкусом к такого рода литературным и риторическим занятиям, это место занимала атлетика (Van Nijf 1999, 193).

и эллинской культуры²⁰. В самом Риме борьба и вообще атлетика не получили широкое распространение: списки победителей на Капитолийских играх не упоминают местных спортсменов, хотя они встречаются как победители на конных и мусических агонах²¹. Во многом это связано с тем, что сторонники традиционализма, *mores maiorum*, недолго любили ее, да и всю греческую атлетику в целом, так как, по их мнению, все это способствовало изнеженности, праздности и вообще вредило здоровью²².

Идеалы, находившие выражение в эллинской образованности и атлетике, не были какими-то причудами эксцентричных благотворителей или школьных учителей. В восточной части Римской империи одной из функций эллинизма местной элиты было обеспечение общей идентичности в городах и провинциях, достаточно сильно отличающихся друг от друга (чтобы далеко не ходить, сравним малоазийские Ликию и Ионию). Аристократы, подобные Демосфену или Эваресту, позиционируя себя как городские лидеры греческого возрождения, таким образом обеспечивали свой авторитет и свою власть в полисе. Принадлежность к эллинской культуре, включая понятную местному населению атлетику, была важна и с точки зрения римлян: проводимые игры формировали и поддерживали не только греческую, но и римскую идентичность.

Эти праздники были тесно связаны с культом императора: Демосфении начинаются в «день Августа» (SEG XXVIII, 1462, 14; 36), агонифет (устроитель игр) носил венок с изображением императора (55), совершались жертвоприношения (57–58) и 10 себастофоров в белых одеждах и в венках из сельдерея несли в процессии императорское изображение (62–63). Возможно, целью всего этого мероприятия было угодить Адриану, любившему все греческое, но не все императоры относились к учреждению новых игр с таким же энтузиазмом, как Адриан. Антонин Пий или Марк Аврелий, например, прямо указывали, что лучше на эти деньги построить какое-нибудь общественно полезное здание²³. Но в любом случае все цезари во время этих праздников с благосклонностью принимали знаки почтения. Поборники чистоты римских нравов видели здесь прискорбный отход от традиций – Сенека (Epist., 89, 18–19), Тацит (Ann., XIV, 20) и Плиний Младший (Epist., IV, 22) называли греческий спорт бесполезным и аморальным²⁴, – но для принцев было важно укрепить имидж защитников греческой культуры. Местные игры также следовали этой тенденции, называясь в честь Августа, Веспасиана, Адриана, Коммода и других императоров. Наконец, надпись в Олимпии сообщает, что некий Авл Асиний Квадрат написал историю Рима, называвшуюся «Тысячелетие»; она охватывала период с 776 г. до н.э. по 223 г. н.э., и основание Рима в ней было отнесено к году первой Олимпиады (I.Ol. 356). Общегреческие, а в то время уже «вселенские», игры оказываются то ли сверстником, то ли даже родственником Рима: у них общие тысячелетняя история, традиции и величие, а олимпийский дух, сплотивший греков, воспевается вместе с римским, сплотив-

²⁰ Poliakoff 1987, Puhvel 1988, 26–31.

²¹ Lee 2014, 539.

²² Mammel 2014; Гвоздева, Никишин 2021. В Этрурии с древности существовала своя традиция кулачных боев, хорошая известная римлянам, но уже в республиканское время она исчезает (Bevagna 2014).

²³ Mitchell 1993, 219–220.

²⁴ Papakonstantinou 2014, 327–328; Mammel 2014.

шим все народы империи. Ван Нейф отмечает, что греческие игры в ту же Ликию пришли в эпоху римского владычества, когда они уже вполне были восприняты римлянами, и сложно сказать, как их воспринимала ликийская знать – как часть эллинской или уже римской культуры²⁵.

Кто соревновался в этих играх и что это участие значило для них? Мы уже отметили, что мусическая составляющая агонов была отдана на откуп профессиональным актерам, поэтам и исполнителям – техникам Диониса. Традиционно считалось, что и в мире спорта сложилась такая же ситуация, там правили бал союзы атлетов Геракла²⁶, и то, что раньше было состязанием аристократов, превратилось в поединки между профессионалами, не всегда прозрачные и возбуждавшие подозрения в сговоре участников и судей. Как кажется, эту картину стоит пересмотреть (неспроста Демосфен учреждает гимнастические состязания с оговоркой «для горожан» (46)). Безусловно, многие участники соревнований в римское время получали за победу награды на играх или пожизненное содержание от своих городов, и это позволяло талантливым спортсменам, не имевшим иных источников дохода, продолжать карьеру²⁷. Но как минимум для некоторых областей на Востоке дело обстояло иначе: большинство участников игр были выходцами из местной знати, и, как замечает Ван Нейф, их лучше сравнивать со звездами тенниса, происходящими из обеспеченных семей, а не с футболистами, начинавшими свой путь в трущобах Рио-де-Жанейро. Он обращается к примеру борца из Эноанды Луция Септимия Флавиана Флавиллиана, который известен нам по четырем надписям. Первая была сделана ок. 212 г. его отцом в честь победы в борьбе мальчиков на Мелеагриях в Бальбуре; уже тогда он, видимо, подавал такие надежды, что его назвали *παράδοξος* – «необыкновенный» (SEG XLIV, 1194). В 230-х гг. Флавиллиан побеждает в борьбе и панкратионе; в это время он вошел в элиту атлетического мира, успешно выступая в Афинах, Арогосе, Эфесе и Неаполе (SEG XLIV, 1195; 1196). Наконец, в надписи 231/2 г. говорится, что Флавиллиан снова победил в панкратионе на играх, организованных Эварестом (SEG XLIV, 1169). Здесь перечисляются и другие его победы и отмечается, что он имел гражданство еще трех ликийских полисов²⁸. Очевидно, что его успехи были плодом значительных усилий, он тратил время, силы и средства на тренировки и разъезды по соревнованиям. Но Флавиллиан был не только и не столько атлетом, сколько членом знатной семьи Лициниев, из которой происходили римские администраторы и жрецы императорского культа, а его отец Флавиан Диоген был ликархом – эта должность предназначалась для самых знатных и богатых людей (IGR III, 500(v))²⁹.

Флавиллиан с радостью получал денежные призы и, возможно, ежемесячные выплаты и освобождение от налогов за выигранные венки, но очевидно, что для него победа и почетные надписи и статуи в родном городе были важнее призовых. Борьба и панкратион не были для него *ἐπιτηδεύματα*, основными источниками доходов. Высший дивизион атлетов в основном составляли подобные Флавиллиану

²⁵ Van Nijf 1999, 188.

²⁶ Gardiner 1930; Harris 1972.

²⁷ Пантелеев, Поникаровская, 2022.

²⁸ Подробнее о важности гражданства атлетов см.: Van Nijf 2012, 175–194.

²⁹ Hall, Milner 1994, 15.

аристократы³⁰, и не стоит думать, что они избегали контактных видов спорта: они занимались не только бегом или пятиборьем, но и панкратионом, кулачным боем или борьбой. Атлетическая подготовка была тесно связана с культурой гимнасия, которая не то чтобы полностью в это время была монополизирована элитой (мы знаем имена торговцев и ремесленников, которые там занимались), но всерьез не распространялась за пределы достаточно узкого круга состоятельных семей³¹. Профессиональные тренировки требовали досуга и средств, которыми обладали далеко не все желающие, и, несмотря на sporadическую поддержку способных спортсменов из низов общества³², ядро атлетов-участников игр составляли выходцы из знати.

Самыми многочисленными посетителями гимнасия были эфебы, юноши, готовящиеся стать полноправными гражданами полиса. Для их обучения городом или эвергетами нанимались учителя философии, геометрии, риторики и других дисциплин, но прежде всего, гимнастики, стрельбы из лука, метания дротика и других физических упражнений, которые и составляли большую часть их занятий. Эфебы и *παῖδες*, мальчики, не достигшие возраста эфебов, соревновались в тех же дисциплинах, что и взрослые; те, кто проявил несомненные способности, мог и был готов посвятить этому свою жизнь, становились профессиональными спортсменами, большая же часть выступала у себя в родном городе или по соседству. Победа в Олимпийских играх была безусловным поводом для гордости, но не меньше ценились и успехи в местных состязаниях: в честь чемпионов на агоре, в гимнасии, вдоль основных улиц устанавливались многочисленные надписи и статуи; буквально весь город был заполнен свидетельствами этих триумфов. Мы видим своего рода культ всепобеждающей юности, и это заставляет по-новому взглянуть на картину всеобщего пессимизма и отвращения к собственному телу, что так ярко в свое время описал Э.Р. Доддс³³. Это была не только своего рода летопись спортивных успехов жителей полиса, но и указание на то, что эти победы одержали выходцы из нескольких знатных семейств. В надписях воедино сливаются борьба, благотворительность, панкратий, происхождение, городские должности и другие признаки успешности. Спортивные достижения на этом фоне выглядят полученными по праву рождения, как некий классовый атрибут вроде богатства, филантропии или *παῖδεία*.

Изготовление надписи было недешевым удовольствием, так что у представителей элиты было преимущество при увековечивании памяти о своих победах. Но хорошая родословная и возможность тренироваться не гарантировали успех, и в нашем распоряжении есть несколько надписей о совместных победах, причем почти во всех случаях один победитель, в отличие от второго, связан с местной элитой: у него краткая родословная или ее вовсе нет, нет указания на занимаемые должности или на оказанные родному городу благодеяния (CIG 4380g; SEG XLI, 1349; SEG XLI, 1352). Ван Нейф полагает, что когда начинал побеждать менее знатный боец, судья, как правило, тоже выходец из местной знати, мог остановить

³⁰ О подобном Флавиллиану победителе многих игр и члене совета Телемитре см.: Günther 1986.

³¹ Brunet 2003.

³² PZenon 59060 (Египет), IK XVI, 2005 (Эфес).

³³ Доддс 2003.

состязание, зафиксировав ничью³⁴. В случае гнева зрителей всегда можно было сослаться на известный прецедент – поединок Аякса и Одиссея, остановленный словами Ахилла: «Кончите вашу борьбу и трудом не томитесь жестоким. Ваша победа равна; и, награды вы равные взявши, с поля сойдите» (Hom. II., XXIII, 735–739; пер. Н.И. Гнедича). Наконец, есть надписи в честь атлетов, которые участвовали в играх, но не одержали победу (SEG XLIV, 1191; XLI, 1351). Юный Валерий «с отличием» участвовал в соревнованиях по борьбе среди мальчиков, ничего не выиграл, однако получил поощрительный приз, так как его отец был агонифетом³⁵.

Как к этим играм относились обычные горожане той же Эноанды? Конечно, можно предположить, что колбасники, кожевенники и торговцы наслаждались выступлениями поэтов, кифаредов и флейтистов, но надежных оснований для этого у нас нет. Наоборот, сама надпись демонстрирует, что для развлечения обычной публики отведены три дня в конце игр, когда устраиваются выступления нанятых артистов, в том числе мимов и исполнителей песен, и прочие представления. Это могли быть какие-то силачи, декламаторы непристойных стихов или песен, жонглеры или другие артисты, известные нам по надписям первых веков н.э.³⁶. Что касается мимов, то их престиж быстро рос: если Демосфен им не назначает никакой награды и вовсе исключает из программы состязаний, то вскоре они становятся важнейшей частью античной зрелищной культуры, а трагический актер превращается, по выражению Т. Барнса, в «бедного родственника пантомима»³⁷. С атлетическими состязаниями дело обстояло совершенно иначе, их престиж в глазах местной публики был намного выше.

Итак, в римское время греческие игры в восточной части Империи имели большое значение как для внутренней жизни городов, так и для связей между полисами. Об этом свидетельствуют обилие надписей и папирусов, посвященных состязаниям и прославляющих их победителей, и множество построенных и отреставрированных стадионов, гимнасиев и театров. Игры были самым заметным проявлением греческого духа, отражая интересы как богатых аристократов, организующих их, так и менее образованного большинства, развлечения для которого также входили в программу праздников. Эти праздники устраивались таким образом, чтобы, с одной стороны, удовлетворить притязания местной знати на демонстрацию власти и богатства, а с другой, при помощи связи с императорским культом показать их лояльность. Греческие игры давно стали привычной частью праздничного цикла и в Риме, и на Западе в целом, и даже те императоры, что не выказывали такой одержимости эллинской культурой, как Адриан, благосклонно относились к инициативам по их организации на местах, особенно если они не требовали никаких финансовых затрат от них³⁸. Наконец, Вторая софистика и увлечение литературными занятиями не были единственным маркером эллинской

³⁴ Van Nijf 1999, 192.

³⁵ Другие примеры см.: Robert 1960, 356–358.

³⁶ Van Nijf 1999, 194.

³⁷ Barnes 1996: 169; Кулишова, Пантелеев 2020.

³⁸ Дион Кассий в речи Мецената прямо призывает устраивать такие зрелища, которые «не грозят разорением общественной казне или частным имуществам» и не назначать всем победителям в играх пожизненное содержание (Dio Cass., LII, 30, 4–8).

идентичности для местной аристократии, и в некоторых провинциях не меньшее значение имели занятия атлетикой и победы в спортивных состязаниях хотя бы местного значения.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Aneziri, S. 2002: *Die Vereine der dionysischen Techniten im Kontext der hellenistischen Gesellschaft: Untersuchungen zur Geschichte, Organisation und Wirkung der hellenistischen Technitenvereine*. Stuttgart.
- Barnes, T.D. 1996: Christians and Theater. In: W.J. Slater (ed.), *Roman Theater and Society*. Ann Arbor, 161–180.
- Bean, G.E. 1978: *Lycian Turkey*. London.
- Bevagna, G. 2014: Etruscan Sport. In: P. Christesen, D.G. Kyle (eds.), *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Oxford, 395–411.
- Brunet, S. 2003: Olympic Hopefuls from Ephesos. *Journal of Sport History* 30, 219–235.
- Dodds, E.R. 2003: *Язычник и христиан в смутное время* [Pagan and Christian in an Age of Anxiety]. Saint Petersburg.
- Доддс, Э.Р. 2003: *Язычник и христианин в смутное время*. СПб.
- Gardiner, E.N. 1930: *Athletics of the ancient world*. Oxford.
- Graf, F. 2015: *Roman Festivals in the Greek East: From the Early Empire to the Middle Byzantine Period*. Cambridge.
- Günther, W. 1986: Ehrungen für einen Milesischen Periodoniken. In: H. Kalcyk, B. Gulath, A. Graeber (eds.), *Studien zur alten Geschichte S. Läufer zum 70. Geburtstag dargebracht*. Rome, 315–328.
- Gvozdeva, I.A., Nikishin, V.O. 2021: Grecheskaya agonistika v obshhestvennoy zhizni Drevnego Rima [Greek Agonistics in the Public Life of Ancient Rome]. In: V.O. Nikishin (ed.), *Olimpiyskie igry v politike, povsednevnoy zhizni i kul'ture. Ot antichnosti do sovremennosti* [Olympic Games in politics, everyday life and culture. From antiquity to nowadays]. Saint Petersburg, 137–156.
- Гвоздева, И.А.; Никишин, В.О. 2021: Греческая агонистика в общественной жизни Древнего Рима. В кн.: В.О. Никишин (ред.), *Олимпийские игры в политике, повседневной жизни и культуре. От античности до современности*. СПб., 137–156.
- Gvozdeva, T.B. 2013: *Olimpiyskie igry antichnosti (ot mifa k istorii)* [The Olympic Games of Antiquity (from myth to history)]. Moscow.
- Гвоздева, Т.Б. 2013: *Олимпийские игры античности (от мифа к истории)*. М.
- Hall, A., Milner, N. 1994: Education and athletics. Documents illustrating the festivals of Oenoanda. In: D. French (ed.), *Studies in the history and topography of Lycia and Pisidia in memoriam A.S. Hall*. Oxford, 7–47.
- Harris, H.A. 1972: *Sport in Greece and Rome*. London.
- Jory, E.J. 1967: Α παῖς Κωμωδός and the διὰ πάντων. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 14, 84–90.
- Kulishova, O.V., Panteleev, A.D. 2020: Polemika o zrelishhah v pozdney Rimskoy imperii (po dannym literaturnoy i agiograficheskoy traditsii) [Controversy about the spectacles in the Late Roman Empire (according to the literary and hagiographic tradition)]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook] 24(1), 712–723.
- Кулишова, О.В., Пантелеев, А.Д. 2020: Полемика о зрелищах в поздней Римской империи (по данным литературной и агиографической традиции). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 24 (1), 712–723.
- Le Guen, B. 2001: *Les associations de technites dionysiaques a l'epoque hellenistique*. Paris.

- Lee, H.M. 2014: Greek Sports in Rome. In: P. Christesen, D.G. Kyle (eds.), *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Oxford, 533–542.
- Lorber, C.C.; Hoover, O.D. 2003: An Unpublished Tetradrachm Issued by the Artists of Dionysos. *Numismatic Chronicle* 163, 59–68.
- Mammel, K. 2014: Ancient Critics of Roman Spectacle and Sport. In: P. Christesen, D.G. Kyle (eds.), *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Oxford, 603–616.
- Milner, N.P. 1991: Victors in the Meleagria and the Balbouran élite. *Anatolian Studies* 41, 23–62.
- Mitchell, S. 1990: Festivals, Games and Civic Life in Roman Asia Minor. *Journal of Roman Studies* 80, 183–193.
- Mitchell, S. 1993; *Anatolia. Land, men and gods in Asia Minor*. Vol. 1. *The Celts in Anatolia and the impact of Roman rule*. Oxford.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai: i vincitori negli antichi agoni olimpici*. Rome.
- Newby, Z. 2021: Greek Festivals in the Roman Era. In: A. Futrell, T.F. Scanlon (eds.), *The Oxford Handbook of Sport and Spectacle in the Ancient World*. Oxford, 168–181.
- Panteleev, A.D., Ponikarovskaya, M.V. 2021: Aktery i imperatory: tekhnity Dionisa v 1–2 vv. [Actors and Emperors: the technitai of Dionysus in the 1st-2nd centuries AD]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook]* 25(2), 1003–1013.
- Пантелеев, А.Д., Поникаровская, М.В. 2021: Актеры и императоры: техниты Диониса в I–II вв. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 25(2), 1003–1013.
- Panteleev, A.D., Ponikarovskaya, M.V. 2022: Atlety, imperatory i bjurokратиya v pervye veka novoy ery [Athletes, emperors, and bureaucracy in the first centuries]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook]* 26(2), 898–910.
- Пантелеев, А.Д., Поникаровская, М.В. 2021: Актеры и императоры: техниты Диониса в I–II вв. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 25(2), 1003–1013.
- Papakonstantinou, Z. 2014: Ancient Critics of Greek Sport. In: P. Christesen, D.G. Kyle (eds.), *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Oxford, 320–331.
- Plassart, A. 1921: Inscriptions de Delphes, la liste des Théodoriques. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 45, 1–85.
- Pleket, H.W. 1975: Games, Prizes, Athletes and Ideology: Some Aspects of the History of Sport in the Greco-Roman World. *Arena* 1, 49–89.
- Poliakoff, M.B. 1987: *Combat sports in the ancient world. Competition, violence, and culture*. New Haven–London.
- Psoma, S. 2009: Profitable Networks. Coinages, Panegyris and Dionysiac Artists. I. Malkin, C. Constantakopoulou, K. Panagopoulou (eds.). *Greek and Roman Networks in the Mediterranean*. London, New York, 230–248.
- Puhvel, J. 1988: Hittite athletics as prefigurations of ancient Greek games. W.J. Raschke (ed.), *The archaeology of the Olympics. The Olympics and other festivals in antiquity*. Madison, 26–31.
- Robert, L. 1960: *Hellenica*. Pt. 11–12. Paris.
- Scanlon, T.F. 2002: *Eros and Greek Athletics*. Oxford.
- Spawforth, A.J.S. 1989: Agonistic Festivals in Roman Greece. In: S. Walker and A. Cameron (eds.), *The Greek Renaissance in the Roman Empire*, London, 193–197.
- Valavanis, P. 2021: Patterns of Politics in Ancient Greek Politics. In: A. Futrell, T.F. Scanlon (eds.), *The Oxford Handbook of Sport and Spectacle in the Ancient World*. Oxford, 109–123.
- van Nijf, O. 1999: Athletics, Festivals and Greek Identity in the Roman East. *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 45, 176–200.

- van Nijf, O.M. 2012: Athletes, artists and citizens in the imperial Greek city. In: A. Heller, A.-V. Pont (eds.), *Patrie d'origine et patries électives: les citoyennetés multiples dans le monde grec d'époque romaine*. Bordeaux, 175–194.
- Wörrle, M. 1988: *Stadt und Fest im kaiserzeitlichen Kleinasien. Studien zu einer agonistischen Stiftung aus Oinoanda*. Munich.
- Zaytsev, A.I. 1985: *Kul'turnyy perevorot v drevney Gretsii 7–5 vv. do n.e.* [Cultural Revolution in Ancient Greece in the 7th – 5th centuries BC]. Leningrad.
- Zuiderhoek, A. 2009: *The Politics of Munificence in the Roman Empire: Citizens, Elites and Benefactors in Asia Minor*. Cambridge.

GREEK GAMES IN ASIA MINOR IN THE SECOND AND THIRD CENTURIES AD

Aleksey D. Panteleev¹, Marina V. Ponikarovskaya²

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

² Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

¹ E-mail: a.panteleev@spbu.ru

² E-mail: poni-marina@yandex.ru

Abstract. The article, based on the information, obtained from literary tradition, epigraphy and archeology, examines Greek athletic and artistic competitions in the era of the Roman Empire (1st – 3rd centuries AD). Games in the Hellenistic and Roman periods demonstrate both continuity with the preceding time and innovations. The Olympic, Isthmian, Nemean and Delphic Games retained their important role, and in addition, the old local agones, previously intended only for residents of a certain city or region, were reformed and some new ones were established. They formed a unified system of competitions with different level of prestige: the highest category was formed by pan-Hellenic “sacred games with wreaths”, the so-called “games with prizes” were considered less significant. Since the Hellenistic era, professional associations of the “Technitai of Dionysus” (actors, musicians, poets and everyone connected with the world of theater) and the “Athletes devoted to Heracles” (sportsmen) were very important in holding these festivals. Greek festivals were a central element in the life of cities-states and in relations among different poleis. With the help of the games, the Hellenic identity was maintained and preserved. The games demonstrated the power and wealth of local aristocrats, who often acted as organizers of these competitions. The influence of the agones was felt in all spheres of life of a polis: in its politics, architecture, commemorative inscriptions and statues, in the general rhythm of life. These games were associated with the imperial cult, thus proving the loyalty of the local population to Rome. The article deals with both the Greek Olympic and local Games, primarily Demostheneia, established at the request of C. Iulius Demosthenes, prytanis and secretary of the city council of Lycian Oenoanda in 124 AD (SEG XXVIII, 1462).

Keywords: Roman Empire, Hellenism, spectacles, games, agones, Asia Minor, cult of the emperor, athletes, actors